

Е. С. Соколова*

МОДЕЛЬ ИСКУСНОЙ ПАМЯТИ В АНТИЧНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СЕМАНТИКЕ: ОТ РИТОРИЧЕСКОГО КАНОНА К ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

Исследуется влияние юридической практики на формирование античного риторического канона. Возникновение географической доктрины интерпретируется как результат проникновения искусства памяти в политическую и правовую культуру греко-римских интеллектуалов с целью обоснования цивилизационного превосходства европейцев над «варварскими» народами.

Ключевые слова: искусство памяти, мемориальное пространство, мнемонические образы, риторический канон, политико-правовая семантика, нарративная традиция, географическая доктрина, «Вечный Рим», правовое государство, европоцентризм

An author researches the influence of the juridical practice for the formation of antique rhetorical canon. The appearance of the geographical doctrine is interpreted as a result of the penetration the art of memory into political and juridical culture of Greek-roman intellectuals, which had pursued the objective to justify the civilization superiority over «barbarian» nations.

Key words: space of memory, mnemonic images, rhetorical canon, political-jural semantics, narrative tradition, geographical doctrine, «Eternal Rome», jural state, Eurocentrism

В доксографической традиции периода поздней античности существует любопытный рассказ о диалоге между Платоном и киником Диогеном, который состоялся во время одного из философских пиров интеллектуальной афинской элиты. Знаменитый синопский мудрец, известный своим негативным отношением к общепризнанным социокультурным нормам, недолюбливал приверженцев платонизма, а основателя Академии презрительно называл болтуном. Увидев, что Платон ест за столом исключительно одни оливки, отказываясь от более дорогих и изысканных блюд, Диоген ехидно предположил, что его недруг, вероятно, основательно утолил голод во время поездки на Сицилию и теперь не испытывает потребности в сытной пище. Платон возразил, что привычка к скромному столу в нем очень сильна, и даже находясь в Сиракузах, он предпочитал употреблять непритязательные кушанья. Последнее слово все же осталось за Диогеном. Он грубо прервал Платона, заявив, что не стоило и тратить на поездку к Дионисиям, чтобы попробовать у них только оливки¹.

Содержание этого историко-философского анекдота отличается скрытой множественностью смыслов. Некоторые их оттенки, возможно, уже недоступны восприятию современного исследователя, мыслящего в рамках иной культурно-исторической парадигмы. Тем не менее отдельные элементы метаязыка, использованного Диогеном Лаэртием для передачи беседы двух философов, будут хорошо понятны специалисту-антиковеду. Диоген-киник избирает объектом своих насмешек этическую установку Платона на воспитательное воздействие политической философии, позволяющей превратить даже тирана в идеального правителя-мудреца. Афинские интеллектуалы хорошо знали о его неудачных попытках с помощью философских истин смягчить нравы

* Соколова Елена Станиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

сиракузского двора, прославившегося своей приверженностью к роскоши и пренебрежением к оливкам за их дешевизну и общедоступность.

Если рассматривать культуру как особую форму общения между людьми, реализуемую в границах определенного географического пространства и исторического времени, то становится очевидной синхронная природа ее коммуникативной функции. Как и любой язык, культура состоит из определенной системы знаков, служащих для передачи смысла и обладающих визуально-мнемоническими характеристиками. Методологическое значение приведенного Диогеном Лаэртием примера социальной коммуникации между основателями противоположных по гносеологии философских школ свидетельствует о наличии семантической универсальности текстовых кодов той или иной исторической эпохи. Зашифрованный смысл перепалки между Платоном и Диогеном, очевидно, обладал дискурсивной открытостью как для самих участников диалога, так и для их современников. Символический характер приведенных Лаэртием высказываний, вероятно, был понятен и греко-римским читателям. Переданный им рассказ не сопровождался никаким семантическим комментарием. Это свидетельствует о наличии в античной культуре диахронных аспектов, основанных на традиции сохранения предшествующего интеллектуального опыта посредством постоянного обращения к реминисценции как способу передачи коллективной памяти о прошлом.

В классическом нарративе можно обнаружить немало примеров стремления интеллектуалов античности «читать» окружающую их действительность как текст с зашифрованным в нем коннотативным смыслом. Их умение моделировать семантические образы расценивалось современниками как неопровержимое свидетельство элитарности мышления, присущей только высокообразованному человеку, способному постичь онтологическую сущность природы «вещей и слов». В сатире Лукиана из Самосаты (ок. 120–190 гг. н. э.) «Неучу, который покупал много книг» непонимание сущности прочитанного ставится в один ряд с попытками невежд приобретать «ученость на рынке», благодаря чему вполне можно уподобиться ослу из басни Эзопа, «который слушает игру на лире, хлопая ушами»².

Наличие скрытого текстового смысла, аккумулирующего в себе знаковую природу любого культурно-исторического феномена, и его последующие интерпретации являются неотъемлемым элементом всех социально значимых проявлений жизнедеятельности человечества. В отличие от западных философов и лингвистов, стоящих у истоков семиотики, российские ученые проявляют повышенный научный интерес к выявлению неязыковых способов социального общения, когда речевому фактору отводится лишь вспомогательная роль. Это позволяет констатировать наличие теоретического единства исследовательской позиции тартуско-московской школы, основанной Ю. М. Лотманом, с выводом М. Фуко о возможности образования бесконечного множества текстов, способных систематически воссоздавать заново объекты, о которых они повествуют. Проникновение в подразумеваемые смысловые аспекты культурно-исторического дискурса осуществляется на основе реконструкции текстовой стратегии авторов прошлого. Расшифровка использованных ими семантических кодов требует особого внимания к внеязыковым условиям их возникновения и невербальным формам дискурсивной практики. По справедливому утверждению Ю. М. Лотмана, любая знаковая система прошлого включает помимо вербальных форм множество языковых структур визуального происхождения, обладающих самостоятельной смысловой ценностью. Наконец, в качестве особого текста может восприниматься жизнь человека, избранные им поведенческие стратегии, окружающая его бытовая обстановка, круг чтения и стиль общения в различных ситуативных обстоятельствах³.

В гуманитарной науке последних десятилетий постепенно набирает силу креативный подход к методологии исторического исследования, позволяющий выявить условия формирования ментальности людей прошлого с целью осмыслить их образ мышления

и особенности социальной коммуникации в категориях, соответствующих культурно-историческому климату «утраченного времени». В отличие от современности их микромир всегда наполнен иными типами самоидентификации наряду с чуждыми для нашего понимания символами, аллегориями, иконологическими моделями и смысловыми аллюзиями. Корректная реконструкция стиля мышления и духовной жизни персонажей иного исторического времени требует сегодня серьезной перестройки методологических подходов к интерпретации нарративных источников в пользу обращения к герменевтическому анализу их текстовых стратегий вопреки традиционному увлечению значительной части отечественных гуманитариев моделированием позитивистских концепций истории.

Любой артефакт всегда обладает скрытым семантическим подтекстом. Его знаковые коды складываются из непривычных для нас смысловых топосов, несущих в себе ощутимый отпечаток субъективизма вопреки кажущейся универсальности их морфологической природы. Когда-то они, вероятно, обладали широким диапазоном социального воздействия, а с течением времени испытали влияние последующих поколений интерпретаторов, воссоздающих на основе «диалога с прошлым» интеллектуальную ауру определенного отрезка исторического времени. В целом исследовательская стратегия выявления семантического смысла «остатков прошлого» повышает методологическую значимость любого гуманитарного дискурса, в том числе политико-правового.

Экстраполяция специальных методов текстового анализа на изучение проблем, связанных с реконструкцией ценностных ориентиров людей прошлого по отношению к политической и правовой реальности, способна привести к интересным результатам в области выявления коммуникативной функции их политико-правового мышления и способов ее трансформации в последующих дискурсивных практиках. Ю. М. Лотман справедливо полагал, что знаковый смысл передачи текста от адресанта к адресату всегда заключается в изменчивости зашифрованного в нем сообщения. Превращаясь в средство контакта между автором и читателем, текст перестает быть тождествен самому себе и обогащается новыми семантическими оттенками⁴. Их реконструкция важна для историка-юриста не только своим несомненным гносеологическим потенциалом. Нередко она способна сыграть роль дисциплинирующего фактора, позволяющего внимательному исследователю избежать искушения модернизировать прошлое с конъюнктурными целями или ограничить свой методологический инструментарий процедурами описательного характера. Кроме того, неуклонное снижение социального престижа историко-правовой и историко-теоретической науки является достаточным основанием для обращения к аналитическим исследованиям, требующим не только продуманной экстраполяции общенаучных и частных методов, но и расширения круга исторических источников.

Один из наиболее ярких примеров методологических возможностей использования семантической интерпретации политико-правовых текстов прошлого — история формирования античного варианта географической доктрины. Его возникновение стало важной составной частью классической модели мнемонического искусства, появление которой отражало насущные потребности юридической практики полисного государства. Хорошо известно, что успешное функционирование данной модели в значительной мере определялось уровнем ораторской техники. Одно из основных требований риторического канона предусматривало формирование навыка запоминания больших фрагментов судебной речи на основе продуманного и упорядоченного расположения «слов и вещей» в сконструированных оратором воображаемых «местах памяти». По мнению Цицерона, совершенный ритор никогда не пренебрегает божественным законом природы, определяющим мировой порядок, где «нет ничего, что развилось бы и развернулось внезапно целиком и во всей полноте...». Превращение ораторского ремесла в подлинное мастерство начинается с умения добиться выразительности публичного выступления. Для это-

го следует тщательно обдумать существо всего дела в целом и подготовить неопровержимые доказательства правоты ответчика⁵.

Размышления Цицерона о преимуществах искусной памяти как отличительного свойства образованного и успешного ратора выходят далеко за рамки методических рекомендаций для молодых римских интеллектуалов с небольшим опытом публичных выступлений. В одном из его диалогов о тайнах искусной памяти наиболее почетное место отведено анализу риторических приемов, способных в наибольшей степени оказать воздействие на слушателей. Излагая правила составления судебного выступления в пользу подзащитного, Цицерон акцентирует внимание читателя на умении найти правильную последовательность аргументации, направленной на опровержение доводов обвинителя. Ориентируясь на собственный опыт юридической практики, он предлагает начинающим коллегам не столько подсчитывать количество найденных ими судебных доказательств, сколько взвешивать степень их основательности. Для достижения указанной цели оратору следует наметить содержание разбираемой тяжбы в целом, «или укрепить подступы к делу, или придать ему красоту и достоинство», избегая при этом лишних слов, не проясняющих сути намерений истца и ответчика⁶.

Нетрудно заметить, что составление речи на основе сформулированных принципов не могло опираться лишь на природное красноречие оратора. В диалоге Цицерона большое значение приобретает проблема усовершенствования врожденных дарований ратора посредством человеческого искусства, подражающего вселенским законам. Конструирование риторического канона переходило, таким образом, из практической плоскости в сферу философского осмысления космического универсума, делая творческую личность сопричастной божественной мудрости. Уже «Физика» Аристотеля содержит развернутое суждение об отсутствии случайностей во Вселенной, где для всего происходящего «имеется определенная причина», основанная на велениях природы. Абсолютизация природного начала, определяющего сущность социально-политической практики человеческого микрокосма, хорошо прослеживается и в отношении Цицерона к проблеме происхождения искусной памяти. Как правило, успех выпадает на долю оратора, действующего в соответствии с природой, где «все то, что на первый взгляд совершается стремительно и бурно, на самом деле подготавливается более спокойным началом». Совершенный оратор никогда не пренебрегает божественной иерархией «вещей и слов», так как ей определяется мировой порядок⁷.

Теоретическая установка на причастность каждого человека к космическому универсуму неизбежно способствовала возникновению античного представления о памяти как квинтэссенции духовных сил человечества. Тезис о божественности мнемонического дара неоднократно повторяется в греко-римских сочинениях, посвященных выявлению его онтологических истоков. Согласно Платону, душа, разочарованная несовершенством чувственного опыта, обращается к образам памяти с целью разглядеть в земных копиях божественных эйдосов «природу того, чему они подражают». Называя божественную память матерью всех муз, платоновский Сократ указывает на творческую природу свойственного мыслящему индивиду умения запоминать то, что составляет эмпирическую основу восприятия мира. В его понимании мнемоническое искусство отражает присущее человеку стремление к усовершенствованию земной жизни по законам красоты и соразмерности⁸.

Знание основ мнемонической техники позволяло образованному ратору возвыситься до понимания сущностных основ бытия, приводящих человеческий разум в состояние гармонии с порядком природы. В «Тускуланских беседах» Цицерон отмечал наличие универсальных свойств памяти интеллектуала, вовлеченного «в высокие области познания или искусства...». Естественные способности позволяют ему заниматься организацией социального быта и поисками форм политического общения граждан, создавать материальные блага и делать научные открытия. Эти дарования существенно выигры-

вают от умения удержать в памяти всю историю человеческих достижений «от самых что ни на есть простейших ремесел к возвышенным искусствам». Способность ума к воспроизведению событий прошлого позволяет проникнуть в сущность событий настоящего дня и увидеть, «что нечто должно произойти еще до того, как это действительно происходит». Тем не менее в качестве судебного оратора Цицерон восхищается прежде всего умением искусного ратора расположить порядок вербальных конструкций и выраженных ими понятий в «сокровищнице памяти» таким образом, чтобы можно было легко воспользоваться необходимыми словами для «отыскания истинных вещей»⁹.

Правила античной риторики предусматривали особый порядок запоминания предметов речи. Он должен был носить точный и ясный характер, основанный на продуманном расположении мыслительных образов. Согласно греко-римской традиции изобретение мнемонического метода приписывалось талантливому поэту-досократу Симиону Кеосскому (556–468 гг. до н. э.), который предложил придавать невидимым и отвлеченным понятиям зрительное очертание, позволяющее при необходимости удержать их в памяти «как бы простым созерцанием». От содержания этих воображаемых картин требовалась выразительность, а от композиции – возможность быстро найти нужную мысль с помощью последовательного размещения понятий и соответствующих им слов в мемориальном пространстве. Категория памяти (*memoria*) стала включаться в пятичастное деление риторики, основанное на соответствии предмета речи четкой форме его вербального воспроизведения¹⁰.

Античные риторы отмечали безграничные возможности перемещения человеческой мысли во времени и пространстве. Это позволяет оратору приготовить в случае необходимости достаточно большое количество разнообразных мест памяти (*loci*), передвижение в которых может быть быстрым и незатруднительным. Пусть «места, которые мы воображаем», будут многочисленными, приметными, отдельно расположенными, с небольшими между ними промежутками», – поучает своих собеседников Цицерон в диалоге «*De Oratore*» («Об ораторе»). Он советует тем, «кто развивает свои способности в этом направлении... держать в уме картину каких-нибудь мест и по этим местам располагать воображаемые образы запоминаемых предметов». Их знаковое воплощение должно быть ярким и выразительным. Образы, необходимые для вещей и слов, следует моделировать так, «чтобы они бросались в глаза и запечатлевались в уме, быстро воздействуя на память»¹¹. Так в античную риторику проникла тенденция к эстетизации визуально-ассоциативных аспектов теории искусной памяти, вызванная прагматической традицией греко-римской правовой культуры.

Под влиянием телеологического учения Аристотеля у римской политической элиты стал весьма востребованным тезис о наличии целеполагания в деятельности судебного оратора, прямо или косвенно связанной с задачей усовершенствования политико-правового пространства гражданской общины. Активизация этого направления риторической практики вызвала интерес ряда латинских интеллектуалов периода поздней республики к проблеме выявления онтологического единства мемориального дара и образов прошлого, что рождало необходимость соединения юридического образования хорошего оратора и его историографической информированности.

В соответствии с древнеримскими канонами судебного красноречия знание права рассматривалось как неотъемлемый профессиональный навык успешного ратора и почетное качество уважаемого гражданина. По мнению Цицерона, ведущая особенность правосознания политической и интеллектуальной элиты республиканского Рима заключалась в наличии представления о партикулярности правовых знаний, не имеющих статуса самостоятельной науки о смысле бытия. Удерживая в памяти многообразные сведения о содержании источников римского права, хороший оратор стремился к максимальному удовлетворению законных притязаний своего подзащитного.

Для усиления прагматического эффекта судебной речи он мог использовать различные формы реминисценции прошлого с целью укрепления в умах слушателей идеи преемственности нравственно-политических ценностей патриархального происхождения, черпая из истории примеры законопослушания, патриотизма и личной доблести выдающихся римских граждан. Ритор обращался к урокам истории ради укрепления ценностного потенциала юриспруденции, способствуя выработке идеальной модели свобододолюбивого и законопослушного римлянина. Эта особенность профессионального мышления древнеримских ораторов и политиков отразилась в разработке политико-правовой концепции «Вечного Рима», согласно которой могучая власть основанной Ромулом державы издавна держалась на системе правовых учреждений, отсутствующей у других народов¹².

Правосознание латинских риторов формировалось под воздействием представления о существенном влиянии природно-географического фактора на уровень политического быта и правовую культуру гражданской общины. Теоретическая установка классической философии на признание универсальной сущности вечного закона Вселенной в противовес преходящим предписаниям земного законодателя способствовала проникновению идей аристотелизма в латинскую риторическую традицию и историографию. Ораторская элита I в. до н. э. проявляла ярко выраженный интерес к вопросам сравнительно-исторического правоведения. На страницах риторических диалогов Цицерона образ Римской державы приобретает сакрально-теургический оттенок, трансформируясь в модель микрокосма, где в качестве антитезы абстрактной идее космического порядка, свойственной мироощущению древних греков, царит гармония права.

Согласно Цицерону, цивилизующая роль Древнего Рима по отношению к другим народам Средиземноморья обусловлена его мощным нравственно-политическим потенциалом, возникшим под влиянием особых условий природно-географической среды. Свободолюбивый дух римлян находит воплощение в нормах частного права. Каждый гражданин Рима знает разницу между своим и чужим имуществом, а также может защитить свои законные интересы перед компетентным судом. Таким образом, вопрос о необходимости изучения правоведения рассматривается римскими ораторами на фоне постановки проблемы их отношения к наследию прошлого. В цицероновском диалоге «*De Oratore*» знаменитый латинский ритор Луций Лициний Красс возносит хвалу праву, предлагая начинающим ораторам искать «многообразную картину нашей древности» в книгах понтификов и Законах XII таблиц. В них содержится множество рассуждений «об общественном благе и о государственных учреждениях»: «именно отсюда для нас становится очевидно... что следует прежде всего стремиться к нравственному достоинству, так как истинная доблесть и безупречная деятельность украшаются почестями...»¹³.

Прагматический интерес юридической общественности Древнего Рима к седой старине способствовал развитию страноведческого аспекта античного историко-политического нарратива. Традиция обращения к материалам исторической географии возникла под воздействием творческой переработки телеологической концепции Аристотеля в наследии перипатетиков. Прагматический подход к вопросам страноведения содержится, например, в обстоятельных описаниях растительного мира экзотических стран Востока, сделанных Феофрастом (372–288 гг. до н. э.) в крупнейшем ботаническом сочинении древности. Собранные им материалы отличаются многообразием оттенков мировоззренческой палитры, позволяющим использовать их для выявления способов политической самоидентификации античного гражданина через образы природы. Осознанное воздействие людей, вооруженных практическими знаниями, на облик ландшафтной среды с целью ее усовершенствования приобретает для него значение необходимого элемента гражданского бытия в полисном мире, а этот мир в свою очередь обнаруживает типологическое родство с другими частями Вселенной.

Многообразие человеческой деятельности основывается, по мнению Феофраста, на природной тяге людей к поиску наиболее совершенной творческой формы самореализации. Окружающий их природно-географический ландшафт нередко предоставляет для этой цели материал, способный к улучшению природных свойств диких растений и даже к полному изменению их видовых признаков под влиянием человеческого искусства. Разнообразие климатических зон населенной ойкумены оценивается Феофрастом как наиболее достойная сфера приложения творческого потенциала древнегреческого гражданина-интеллектуала, действующего из соображений практической целесообразности. Самые впечатляющие успехи агротехники достигаются в тех регионах, где отсутствует расслабляющее влияние чрезмерно теплого климата и слишком плодородных почв.

Интерес Феофраста к ботаническому ландшафту Ливии, Египта и Вавилона отличался весьма высокой степенью прагматизма, так как его интересовало исследование экзотических видов с целью их акклиматизации на малопродуктивных и каменистых эллинических землях. При этом он крайне скептически оценивал творческий потенциал афроазиатского населения, привыкшего пассивно пользоваться дарами природы, не прилагая никаких усилий для ее преобразования. Низкий уровень агротехники был, по мнению Феофраста, отличительным свойством и северных стран, где суровый климат и скудная растительность оставляли мало надежд на превращение ботанического ландшафта в творческую лабораторию местного земледельца. Изложенные им отдельные положения географической доктрины оказали существенное влияние на развитие чувства гражданского превосходства эллинических интеллектуалов над негреческими народами, не знающими полисной государственности с ее стремлением к реализации космического закона упорядоченной красоты.

Экскурсы географо-этнографического и природоведческого характера, значимые для развития политической практики средиземноморского полиса, содержатся и в историографическом нарративе периода высокой древнегреческой классики. Например, продолжительные путешествия, совершенные Геродотом из Галикарнаса между 455 и 444 гг. до н. э. по Азии, Египту, Фракии, Македонии и Северному Причерноморью, позволили «отцу истории» систематизировать большое количество страноведческих сюжетов. В первую очередь его внимание привлекали сведения о природно-климатических условиях земель, вовлеченных в сферу греческого влияния. Выполненные Геродотом путевые зарисовки государственного быта, обычаев и повседневной жизни соседних народов отличаются концептуальной продуманностью. Они производят впечатление тщательно подобранного страноведческого материала, назначение которого заключается в создании выразительного образа иной по сравнению с древнегреческим миром политико-правовой культуры.

Конструируя еще непривычную для греков модель деспотического мышления самых знаменитых политических лидеров Древнего Востока, Геродот нередко обращался к реконструкции смысловых аспектов ландшафтной среды официальных архитектурных сооружений глубокой древности. Например, при описании планировки Вавилона его внимание привлекли некоторые визуально-мнемонические формы укрепления царской власти, созданные с целью продемонстрировать подданным господство восточных правителей над природными стихиями и укрепить веру населения древней столицы в божественное происхождение земных владык. В частности, Геродот отметил стремление древних царей максимально использовать визуальные возможности природного ландшафта в интересах «большой политики». Он подробно описал ирригационные сооружения, предположительно возведенные в период правления Набукаднецара II (605–562 гг. до н. э.). Согласно общепринятой античной традиции инициатива их строительства приписывалась легендарной ассирийской царице Нитокрис.

В тексте «Истории» есть подробный рассказ о возведении плотины на реке Евфрат, которое сопровождалось проведением каналов за пределами Вавилона. По словам Геродота, это грандиозное начинание древности так изменило очертания реки и сделало ее «настолько извилистой, что, например, мимо одного селения в Ассирии она протекала трижды». На значительном расстоянии от города Нитокрис распорядилась выкопать и облицевать природным камнем искусственное озеро «такой глубины, чтобы повсюду выступили подпочвенные воды». В период строительных работ по укреплению берегов Евфрата и сооружению каменного пешеходного моста этот импровизированный водоем использовался в качестве резервуара для отведения речного потока из старого русла. Эти мероприятия проводились в той части страны, где находились самые короткие пути из Ассирии в Мидию, что должно было создать естественный барьер для свободного проникновения в страну мидийских торговцев и лазутчиков, отправленных с целью тайного сбора сведений о политической ситуации при вавилонском дворе¹⁴.

Геродот обогатил античную историографию материалами о климатических особенностях стран Востока, представляющих злободневный интерес для образованного эллинистического читателя на фоне быстро растущей опасности военно-политического противостояния греческих полисов и деспотической Персии. Его близость к окружению Перикла способствовала развитию прагматических тенденций страноведения. В отдельные главы своей «Истории» Геродот, в частности, включил сюжеты, посвященные анализу сельскохозяйственных возможностей некоторых географических регионов Востока, наиболее привлекательных для реализации амбиций афинских политиков. Он, например, отметил высокую экономическую рентабельность культивирования финиковых пальм. Немало их росло на равнине Евфрата в диком состоянии, но, сохраняя свои плодоносные свойства, они позволяли местным жителям получать дешевое сырье для производства хлеба, вина и меда. Геродот специально обращает внимание читателя и на исключительное плодородие земли в регионе Междуречья. Подобные сведения, очевидно, имели немаловажное значение для оценки экономического потенциала возможного торгового партнера и продовольственных ресурсов Персии на случай войны. Он отмечает, что вавилонское земледелие отличается и некоторой уязвимостью по сравнению с сельским хозяйством греков: «Плодовые деревья там даже вообще не произрастают: ни смоковница, ни виноградная лоза, ни маслина»¹⁵.

Страноведческий нарратив изначально создавался в расчете на его использование в практике международных отношений. Под влиянием риторического канона все выдающиеся творцы античной историографии стали обращаться к мемориальному компоненту в процессе разработки практических рекомендаций по усовершенствованию полисной государственности, способам воспитания гражданских добродетелей и идеологического обоснования преимущества греко-римских институтов публичной власти и норм права над «варварским» стилем жизни. В качестве особых пространственных «мест» и «образов памяти» нередко использовались природно-географические объекты, обладавшие сакральным смыслом и связанные в прошлом с деятельностью богов, героев и полумифических персонажей истории, имевших архетипическое значение. Их семантика отличалась хорошо продуманной дидактической направленностью и содержала в себе мощный политико-правовой потенциал. В восприятии образованного античного гражданина наибольшей семантической выразительностью отличались мемориальные образы окружающей его природной среды, так как их смысловое значение отражало свойственную греко-римскому правосознанию уверенность в единстве Вселенной и полисного микромира.

Образное восприятие уроков истории через мемориальное пространство природно-географического ландшафта достигалось в античной историографии с помощью реализации прагматической установки на создание особых мнемонических кодов, соответствующих нравственно-политическому значению тех или иных событий прошлого для

укрепления общегражданского единства. Подобные повествовательные приемы неоднократно использовались древнеримскими историками и географами с целью показать обусловленность политического лидерства Рима в Средиземноморье его географическим положением и цивилизующей ролью по отношению к другим народам античной ойкумены.

В исторических сочинениях, посвященных возвышению Римской державы, роль универсального локуса традиционно отведена долине Тибра, где, по словам Тита Ливия, «судьба предопределила зарождение столь великого города и основание власти, уступающей лишь могуществу богов». Латинская мифологическая традиция связывала сакрализацию Палатинского холма с мотивами героического эпоса, посвященного Геркулесу. Согласно версии Тита Ливия, именно здесь мифический полубог нашел временное пристанище после убийства чудовищного великана Гериона. Сюда он увел его дивных быков, преодолев Тибр вплавь, «чтобы отдых и тучный корм восстановили силы животных». Здесь же Геркулес получил пророчество о том, что его ожидает бессмертие, и освятил собственный алтарь, предназначенный для будущих поколений «самого могущественного на земле народа», который станет почитать божественного сына Юпитера в качестве своего Великого покровителя¹⁶.

Раннелатинская семантика поклонения Геркулесу формировалась под влиянием представлений о его воинственности и харизматической воле к победе над врагом. Те же свойства приписывались и легендарному Ромулу, хотя его генеалогия восходит через троянского героя Энея к богине Афродите. В греческих сказаниях олимпийского цикла нередко встречается мотив трансформации буйной и смертоносной природы бога войны Ареса (Арея) под влиянием нежной любовной силы, воплощенной в образе Афродиты Киприды. В то же время хтоническая сила божественных любовников заставляет их предаваться первобытной страсти, нарушающей совершенство мирового порядка. От их союза рождается Гармония. Ее умиротворяющее влияние на людей и богов недолговечно и сопровождается неисчислимыми бедствиями для тех, кто очаровывается ею сверх меры¹⁷.

Мифологическая основа семантики мнемонических кодов историко-литературного сюжета об обожествлении Ромула хорошо прослеживается на примере отношения римской историографии к его деяниям, совершенным в период основания «Вечного города». По мнению Тита Ливия, общеизвестные мифы о «римских древностях» возникли из старинного предания о божественном происхождении незаконных сыновей жрицы Реи Сильвии. «Весталка сделалась жертвой насилия и родила двойню, отцом же объявила Марса — то ли веря в это сама, то ли потому, что прегрешенье, виновник которому бог, — меньшее бесчестье»¹⁸. Как бы то ни было, двойственная природа Ромула проявила себя уже в его первых политических начинаниях.

Убив родного брата Рема за насмешку над непрезентабельностью оборонительных стен основанного ими города, Ромул строит новые военные укрепления на Палатине. Затем в соответствии с древними альбанскими обрядами он приносит одинаковые благодарственные жертвы всем италийским богам, особо почтив по греческой традиции лишь непобедимого Геркулеса. Воздав должное бессмертным небожителям, Ромул проявил заботу о своих подданных и поручился за их благополучие перед богами-покровителями Рима. Созвав толпу, он дал ей законы, чтобы сплотить ее в единый народ и упорядочить быт людей, привыкших действовать по внушению страсти. Сочетание воинственности и кротости, свойственное образу Ромула в интерпретации Тита Ливия, скорее всего, является отголоском мифологических представлений о гармоническом единстве неба и земли, проникших в римскую историографию под греческим влиянием. О родственности этого образа культа Марса и Венеры свидетельствуют дальнейшие действия, совершенные Ромулом ради укрепления военно-стратегического положения Рима и формирования институциональных основ брака.

Избрание долины Тибра в качестве классического места памяти латинской историографии, населенного образами древних полубогов, вероятно, было подсказано религиозно-политической практикой визуального воздействия на образ мышления древнеримского гражданина. Т. Моммзен справедливо отметил, что именно на Палатине и «подле него сосредоточивались все народные сказания об основании города». Именно там усилиями понтификов и патрицианской части сената создавались святыни, воспроизводящие сакрализованные образы легенд о Ромуле и Реме на основе визуально-мнемонических кодов репрезентативного характера. Обращение к ним было важным элементом текстовой стратегии, позволяющей гражданину-интеллектуалу извлечь нравственно-патриотический урок из событий прошлого, что не исключало возможности сопоставления политико-правовых учреждений древности и современного ему состояния римской государственности со всеми ее достоинствами и недостатками. Мнемонические коды, активизирующие историческую память, содержатся и в подробных географо-этнографических описаниях покоренных Римом земель, выполненных Полибием, Гаем Юлием Цезарем, Корнелием Тацитом, Иосифом Флавием и другими прославленными творцами античного историко-политического нарратива¹⁹.

Страноведческий компонент античных политико-правовых текстов нередко использовался греко-римскими интеллектуалами для выявления различий между эллинами и варварами в их отношении к высшему смыслу человеческого существования в пространстве космического универсума. Онтологический аспект историко-природоведческого нарратива стал решающим фактором превращения античной географии в науку, предназначенную для обслуживания потребностей политической практики. В классическом исследовании Страбона (ок. 64–63 гг. до н. э. – ок. 20 г. н. э.) утверждается, что географические знания приносят ощутимую пользу государственным деятелям, стремящимся наилучшим образом усовершенствовать свои природные дарования для служения общему благу. Только искреннее уважение к принципу законности позволяет политику успешно привести частные интересы граждан в надлежащее соответствие с общеполитическими ценностями. Выполнение этой задачи требует от него знаний о человеческой природе и «о всем прочем, что можно встретить в разных странах»²⁰.

Географический фактор, определяющий образ жизни и особенности мировоззрения каждого народа, занимает в произведении Страбона наиболее почетное место. Систематизированный им страноведческий материал позволял античному читателю постичь знаковый смысл многочисленных ландшафтных описаний античного нарратива и соотносить с ним особенности политической системы и правовой культуры большинства народов населенной ойкумены. Проблема культурно-исторической адаптации варварских стран, оказавшихся в сфере влияния античной цивилизации, уже была выявлена предшественником Страбона греко-римским историком Полибием. Он рассматривал особенности географической среды наряду с умением преодолевать ее трудности как важнейший показатель подготовленности народа к лидирующему положению в масштабах всемирной истории²¹.

Вопреки своему греческому происхождению Страбон был убежденным сторонником латинской политико-правовой концепции «Вечного Рима», которая постепенно набирала силу в среде эллинских интеллектуалов под влиянием ярко выраженной тенденции к военно-политическому лидерству римлян. Когда молодой Страбон впервые посетил «столицу мира» (44 г. до н. э.), он был восхищен красотой ее расположения и монументальностью городских зданий. Ничто не напоминало здесь о провинциальной скромности городов, расположенных на родном ему побережье Понта. Известно, что в зрелом возрасте Страбон подолгу жил в Риме, вращаясь в среде интеллектуально-политической элиты, и совершил несколько крупных путешествий от Кавказа до Египта, включая модные в то время развлекательные маршруты по странам Востока. По примеру Полибия он открыто заявлял о своей приверженности к римской государственно-правовой системе,

так как она уже доказала жизнеспособность, подчинив себе «лучшую часть» обитаемого мира «путем войн и мудрого государственного управления»²².

Наиболее благотворное последствие территориальной экспансии Рима Страбон видел в ее мощном цивилизующем воздействии на варварские народы, не затронувшем лишь военизированный быт кочевых племен. Он полемизирует с географической теорией Цицерона, который весьма высоко оценивал политические выгоды, связанные с местоположением «города на семи холмах». Находясь под несомненным влиянием платоновской модели идеального полиса из диалога «Законы», он стремился придать Ромулу черты образцового основателя государства, использующего особенности природного ландшафта в интересах эффективной реализации принципов общего блага. Место, где этот отдаленный потомок богов, берущий на себя ответственность интерпретировать их волю, проводит «священную борозду» в качестве городской границы, как ни одно другое подходило, по мнению Цицерона, для строительства будущей великой столицы античного мира. Обладая политической прозорливостью, Ромул в области, страдавшей от болезней, благоразумно избрал место, богатое источниками и здоровое, ведь там много холмов, которые не только сами обвеваются ветрами, но и дают тень долинам²³.

Страбон оказался более реалистичен в оценке предполагаемых преимуществ географического положения «Вечного города». Население Рима было вынуждено веками преодолевать негативное воздействие окружающих его болот и заботиться об укреплении открытых внешних границ. Их естественная незащищенность длительное время создавала опасность нападения воинственных италийских племен, способствуя внедрению в гражданское самосознание римлян мифа о постоянной военной угрозе даже в эпоху политического расцвета Римской империи. Страбон предлагает собственную версию концепции *Roma aeterna*, включая в нее элементы теории синтеза различных форм полисной государственности. Предложенное им объяснение причин стабилизации императорского Рима возникло под влиянием изучения имперской практики управления вновь присоединенными провинциями и отвечало идеологическим потребностям верховной власти, заинтересованной в привлечении на свою сторону наиболее видных представителей местной интеллектуальной элиты.

По мнению Страбона, существует определенная политическая закономерность, позволяющая объяснить длительный успех военной активности Рима. Римляне «владеют почти что целой Европой», им подчинено все Ливийское побережье Средиземного моря и почти все прибрежные земли Азии, «если не считать областей ахейцев, зигов и гениохов, где в ущельях и бесплодных местностях население ведет разбойничью... жизнь». Под их власть постоянно отходит значительное количество земель из внутренних регионов европейского мира²⁴.

В этих условиях политическая мудрость римских правителей проявляется прежде всего в продуманной организации местной системы управления, куда включены элементы форм государства, существовавших у покоренных народов до их подчинения Риму. Например, одними частями подвластной римлянам земли управляют цари, «другими же римляне владеют сами и посылают туда префектов и сборщиков податей». Есть, по наблюдению Страбона, на территории Римской империи и «несколько свободных городов», связанных «исконной» дружбой с римлянами в форме союзнических отношений. Области, где «необходима для охраны военная сила», находятся в подчинении Августа Цезаря, а легаты и прокураторы управляют там «сообразно с обстоятельствами». География этих провинций совпадает с регионами расселения варварских племен и соседних с ними, еще не покоренных народов. Здесь господствует суровый климат. Его преобладание мало способствует плодородию земель, провоцируя развитие бедности и усиление воинственных настроений населения, склонного к постоянной конфронтации с римскими политиками²⁵.

Предложенная Страбоном концепция влияния природно-географической среды на политический быт народа содержит развернутую характеристику внешних факторов, под воздействием которых именно Европа имеет блестящие шансы на интеллектуальное и политическое превосходство над остальными народами ойкумены. В его представлении особая цивилизующая роль европейского материка объясняется тем, что все его части «удивительно приспособлены природой для усовершенствования людей и государственных форм». Например, умеренный климат равнины предоставляет широкие возможности для развития земледелия, формирующего склонность народа к миролюбию. Наоборот, население скалистых и холодных районов, удаленных от водных путей сообщения, отличается по нравственному облику воинственностью и отвагой, что позволяет ему противостоять неблагоприятным условиям существования. На стороне мирных земледельческих народов находится и значительный интеллектуальный перевес. Он проявляется в развитии их политико-правовой культуры, искусства и чувства гражданственности²⁶.

Европоцентризм географической теории Страбона обязан своим возникновением широко распространенному в античном мире представлению о цивилизационном превосходстве греков над римлянами. В сочиненной им апологии Европы косвенно прослеживается мысль, что именно политические традиции древнегреческого полиса оказали решающее воздействие на лидирующее положение европейских народов в мировом масштабе. «Миролюбие» древних греков, возникшее в результате благотворного влияния умеренного климата, быстро превратило в реальность их притязания на лидирующий международный статус. В результате возникновение искусства политики шло под знаком преобладания эллинской политико-правовой науки, а его знание стало рассматриваться как обязательный элемент имиджа успешного и авторитетного государственного деятеля.

Официальная политическая интонация «Географии» придает апологетический оттенок и оценке политико-правовой миссии римлян. Заслуга крупнейших политических деятелей Рима заключается в том, что они «не только заставили разобщенные... в силу условий местности... народы вступить в общение друг с другом, но и научили даже более диких цивилизованной жизни». Высказывая это мнение, Страбон следовал традициям древнеримской историографии I в. до н. э. Ее ведущие представители всегда аргументировали идею «Вечного Рима» на основе тезиса о древности политико-правовых учреждений, возникших благодаря совместным усилиям нескольких поколений римского народа²⁷.

Быстрые успехи легендарных римских царей, умело привлекавших к себе италийских союзников, Страбон интерпретирует как результат воздействия древнегреческих политико-правовых идеалов, принесенных в Лациум потомками мифического Энея, некогда бежавшего из разрушенной ахейцами Трои. Придерживаясь официальной версии основания Рима, он все же старался соблюдать осторожность в оценке степени греческого влияния на формирование древнеримской государственности. Страбон лишь дважды упоминает об эллинских корнях троянских властителей Латинской области в связи с описанием церемонии освящения города Альба, основанного сыном Энея Асканием. По его рассказу, все высшие магистраты собрались вместе на Альбанской горе и «принесли жертву Зевсу». Спустя несколько сотен лет, когда перед царем Амоллием встал вопрос о социальном происхождении близнецов, рожденных его племянницей-весталкой Реей Сильвией, молва назвала в качестве их отца олимпийского бога-воителя Ареса²⁸.

Можно предположить, что пересказанный на страницах «Географии» миф об основании Вечного города, не случайно был одним из излюбленных мигрирующих сюжетов древнеримской историографии. В его содержании отражены отдельные элементы одного из наиболее архаичных по датировке «сценариев власти», использованных леген-

дарными царями Рима с целью укрепления своего политического имиджа в Латинской области. Версия о кровном родстве Ромула с богом войны как нельзя лучше способствовала обоснованию правомочности римской экспансии в италийских землях, население которых не сразу осознало тревожные перспективы своего соседства с римлянами.

Анализируя мероприятия архаических царей по укреплению обороноспособности «Вечного города», Страбон сделал обоснованный вывод о закономерности формирования в политическом сознании римлян понятия личной доблести как наиболее совершенного гражданского качества. Ведущую роль в обосновании древнеримского варианта идеи общего блага сыграли природные условия глубинных районов Лациума, где был основан город Ромула «по необходимости, а не по выбору». В качестве основного аргумента Страбон приводит основанные на его личных наблюдениях сведения о климатических особенностях Латинской области и степени ее пригодности для развития сельского хозяйства. В его описании Лациум второй половины I в. до н. э. уже представлял собой «благодатный край, богатый всевозможными плодами, кроме немногих местностей на побережье, которые болотисты и нездоровы..., или горных и каменистых областей». Скупость судьбы, отказавшей в своих милостях предприимчивому потомку божественного Энея, выразилась в недостатке пастбищ наряду с отсутствием плодородных земель, пригодных для развития садоводства и виноградарства. Даже Остия, основанная царем Анком Марцием в качестве морских ворот Рима, длительное время существовала без надежной гавани. Ее строительство было затруднено из-за речных наносов во время сезонных разливов Тибра и его притоков²⁹.

Западные историки последних десятилетий, изучающие предпосылки и начальные этапы формирования древнеримской государственности, справедливо призывают не пренебрегать оценкой влияния природно-климатического фактора на генезис традиции политико-правового мышления римлян. Например, по мнению британского исследователя Н. Дэвиса, культивация ригористического идеала доблестного гражданина, отдающего все душевные и физические силы на благо Отечества, во многом определялась присущей римлянам сильной привязанностью к земле, составляющей политическое наследие их предков. Самая большая опасность первоначального географического положения Древнего Рима заключалась в его оторванности от правого берега Тибра, что содействовало возникновению у его населения чувства постоянной неуверенности в своей безопасности, несмотря на естественную неприступность Капитолия и Палатина. Научная заслуга Страбона как раз и заключается в том, что он первым обратил внимание на зависимость уровня политико-правового мышления народа от особенностей его географического расселения. На страницах своей «Географии» он замечает: «Мне кажется, первыми основателями города руководило одинаковое соображение как в собственных интересах, так и в интересах потомства: римлянам подобает ожидать безопасности... не от укреплений города, а от мощи своего оружия и собственной доблести»³⁰.

Умение бросить вызов природным силам с целью поставить их на службу человеческим интересам со временем превратилось в важный составляющий элемент политической и правовой культуры Древнего Рима. Все крупные римские политики стремились к максимальному использованию ресурсов окружающей среды для укрепления могущества Римской державы не только социально-политическими, но и визуально-репрезентативными средствами. Противопоставляя чувство космической соразмерности вещей, свойственное картине мира образованных греческих политиков классической эпохи, римскому практицизму, направленному на «укрощение» враждебной человеку природы, Страбон особо подчеркивал наличие европейских корней римлян, позволивших им адаптировать эллинскую культуру к потребностям политической практики. Изучая топографию городского ландшафта Рима в контексте географической доктрины, он пришел к выводу о несомненном влиянии греческого канона красоты на многочисленные строительные инициативы Октавиана Августа.

Рим эпохи Страбона уже приобрел грандиозный облик главного города античного мира со множеством портиков, живописных парков и театров, расположенных в наиболее эффектных точках природного ландшафта. Создателю «Географии» нравилась гармоничность общественных зданий, возведенных вокруг Марсова поля (*Campus Martius*), «где к природной красе присоединяется еще красота искусственно созданная». Впечатление от грандиозности этого «прекрасного сооружения» усиливалось монументальным обликом новых форумов, раскинувшихся параллельно друг другу рядом с древним *Forum Romanum*³¹.

В древнеримской историографии императорского периода репутация «самого замечательного памятника» времен правления Октавиана Августа закреплена за Мавзолеем. Он был возведен на пустующей части Марсова поля между Фламиниевой дорогой и Тибром и представлял собой облицованное мрамором высокое сооружение, окруженное густыми посадками вечнозеленых пиний. Здесь же находилась бронзовая статуя Августа Цезаря, а внутри Мавзолея помещались гробницы самого императора и его близких родственников. Захоронение императорской семьи имело сакральный статус, а наиболее почитаемой святыней было место кремации Августа, окруженное железной решеткой и обрамленное черными тополями.

Вера в божественную природу Цезаря поддерживалась с помощью официального распространения среди рядовых римлян легенды, содержание которой известно в более позднем пересказе Гая Светония Транквилла. Когда сенаторы на своих плечах отнесли тело императора на Марсово поле и предали его там сожжению, «нашелся и человек преторского звания, клятвенно заявивший, что видел, как образ сожженного воспарил к небесам». За Мавзолеем находился «большой парк с прелестными аллеями для прогулок», посвященный Августу. Судя по материалам Страбона и Светония, образ природы служил в данном случае своеобразным мнемоническим кодом, напоминающим о единстве императора и римского народа³².

Уникальность «Вечного Рима» интерпретируется Страбоном как результат органичного синтеза древнеримского прагматизма и эллинского духовного идеала. Благодаря особому влиянию географического фактора латинская интеллектуально-политическая элита сумела превратить отвлеченные поиски философского абсолюта в составную часть деятельности образованного гражданина на общее благо и придать им выразительную мнемоническую форму визуально-репрезентативного значения. Наиболее архаичные отголоски этого синтеза проявили себя в легендарной истории основания Рима потомками «богоравного» царевича Энея в суровой и негостеприимной местности. Долгий и тернистый путь римского гражданина к обретению политической самоидентичности начинался в долине Тибра, ставшей в соответствии с греко-римской интеллектуальной традицией пространственно-образного мышления условным «местом памяти» с множественными смысловыми аллюзиями.

Благодаря Страбону образ «Вечного Рима» превратился в наиболее выразительный семантический топос политико-правовой культуры Нового времени с ее ярко выраженной тенденцией к европоцентризму в обосновании сущности и функций правового государства. Из античности он начал триумфальное шествие по страницам государствоведческих трактатов, историко-правовых штудий, нравственно-религиозных сочинений и дипломатических документов, направленных на практическую реализацию геополитической доктрины с ее акцентом на цивилизационное превосходство европейского Запада в мировом масштабе.

³¹ Диоген Лаэртций. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова; под ред. А. Ф. Лосева. М., 1986. VI, 2 (25). С. 222; Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия (IV в. до н. э.). Л., 1979. С. 8–15, 86–155.

² Лукиан. Неучу, который покупал много книг. Фрагменты / пер. с др.-гр. Н. П. Баранова // Библиотека в саду. Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. М., 1985. С. 77.

³ О методологических расхождениях между лингвистической концепцией текста, предложенной Ф. Соссюром, и семиотической конструкцией знаковых систем культуры, разработанной ведущими представителями тартуско-московской школы во главе с Ю. М. Лотманом, см. более подробно: Лотман Ю. М. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002 // URL: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman02/html/30/03/2011>; Его же. О проблеме значения во вторичных моделирующих системах // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. 181. Вып. II. С. 22–37; Его же. Лекции по структуральной поэтике // Там же. Труды по знаковым системам. Тарту, 1964. Т. 160. Вып. I. Введение, теория стиха. С. 39–45; Его же. О метаязыке типологических описаний культуры // Семиосфера. СПб., 2000. С. 462–484; Его же. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики (статья первая) // Лотмановский сборник. М., 1995. Т. 1. С. 214–222; Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 53–150 и далее; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 15–16, 45–60, 52–59.

⁴ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994. С. 5–17, 385–388.

⁵ Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. II. 76 (308) // Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / пер. с лат. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова; под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1972. С. 193.

⁶ Там же. II. 76 (309), II. 77 (313–314), II (308). С. 193.

⁷ Аристотель. Физика / пер. В. П. Карпова // Аристотель. Соч.: в 4 т. / под ред. И. Д. Рожанского. М., 1981. II В. 4, 196 а. С. 90; II В. 8, 199 а (5). Т. 3. С. 98; Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. II. 78 (318–319), 78 (317). С. 194.

⁸ Платон. Федр / пер. А. Н. Егунова // Платон. Соч.: в 3 т. / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. М., 1970. Т. 2. 249 E–250 D. С. 185–186; Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1977. С. 53; Сократ следует мифологической традиции эллинов (см.: Гесиод. Теогония / пер. В. Вересаева // Гесиод. Полн. собр. текстов. М., 2001. С. 22; Аполлодор. Мифологическая библиотека / подгот. В. Г. Борухович. М., 1972. I. III (1). С. 6.

⁹ Цицерон Марк Туллий. Тускуланские беседы / пер. М. Гаспарова. I, XXIV, 59; I, XXV, 60–61. С. 227–228; I, XXV, 62–63. С. 228; I, XXVI, 64–65. С. 229 // Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения / сост. М. Гаспаров, С. Ошеров, В. Смирин. М., 1975. Цит. по: Йейтс Ф. Указ. соч. С. 62.

¹⁰ Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. II. 86 (352–354). С. 200–201; Симонид Кеосский. Энкомий Скопадам / пер. М. Гаспарова // Античная лирика. Греческие поэты / сост. В. Е. Витковский. М., 2001. С. 178; Платон. Протагор / пер. В. С. Соловьева. М., 1994. XXVI (339 B–341 E). С. 53–58; Йейтс Ф. Указ. соч. С. 43; Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. С. 7–73.

¹¹ Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. II. 87 (358). С. 202.

¹² О происхождении концепции «Вечного Рима» см., например: Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. С. 67–86 и далее.

¹³ Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. I. 43–44. С. 112–113.

¹⁴ Феофраст. Исследование о растениях / пер. и прим. М. Е. Сергеенко. М., 1951. I. 2 (2–5). С. 16–17, I (3–4). С. 16–17; II. 2 (8). С. 55; IV. 14 (1–6). С. 156–157 и далее; Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко. Л., 1972. I. 181. С. 68; I. 185–186. С. 69–70.

¹⁵ Геродот. Указ. соч. I. 193. С. 72.

¹⁶ Тит Ливий. История Рима от основания Города / под ред. В. М. Смирин. М., 1989. Т. 1. I. 4 (1). С. 12; I. 7 (4–11). С. 15.

¹⁷ Об официальных аспектах культа Геракла в период принципата см., например: Штаерман Е. М. Отражение классовых противоречий II–III вв. в культе Геракла // Вестн. древней истории. 1949. № 2. С. 60–72; Heresyles // Реальный словарь классических древностей по Ф. Любкеру / под ред. Ф. Гельбике и др. СПб., 1885. С. 607–612.

¹⁸ Тит Ливий. Указ. соч. Т. 1. I. 4 (2). С. 12–13; I. 7 (2–3). С. 14–15; 8 (1–15). С. 16–18. См., например, изложенную Титом Ливием легенду о похищении сабинянок.

¹⁹ Моммзен Т. История Рима. До битвы при Пидне / пер. и ред. С. И. Ковалева, Н. А. Машкина; отв. ред. А. Б. Егоров. СПб., 1994. Т. I. С. 56; Тит Ливий. Указ. соч. Т. 1. I. Предисловие, 9. С. 9–10; Гай Юлий Цезарь. Галльская война (Bellum Gallicum) // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. и коммент. М. М. Покровского. М., 1993. VI (13–28). С. 125–132; Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии / пер. А. С. Бобовича // Корнелий Тацит. Соч.: в 2 т. Анналы. Малые произведения. Л., 1969. Т. 1. С. 353–373; Иосиф Флавий. Иудейская война / пер. Я. Л. Черткова; под ред. К. А. Ревяко, В. А. Федосика. Минск, 1991. III (3). С. 217; V (4–5). С. 331–341.

²⁰ Страбон. География: в 17 кн. / пер. и коммент. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко. М., 1964. XVII. III. 24 (С. 839). С. 771; I. I (С. 1–2). С. 7.

²¹ Полибий. Всеобщая история: в 2 т. Т. 1. Кн. I–X / пер. Ф. Мищенко. М., 2004. III. 50–59. С. 208–215; III. 36–38. С. 195–197.

²² Страбон. Указ соч. XVII. III. 24 (С. 839). С. 771; Полибий. Указ. соч. VI. 1. С. 439–440, VI. 11. С. 451–452; VI. 51–56. С. 485–489.

²³ Цицерон. О государстве (De re publica) / пер. В. О. Горенштейна // Цицерон. Диалоги. О государстве — о законах / отв. ред. С. Л. Утченко. М., 1966. II (IV, 7–9). С. 36; II (XI, 17). С. 38, II (III, 5–6). С. 35–36.

²⁴ Страбон. Указ. соч. XVII. III. 24–25 (С. 839–840). С. 771–772.

²⁵ Там же. XVII. III. 25 (С. 840). С. 772.

²⁶ Там же. II. V. 26 (С. 126). С. 126.

²⁷ Там же. II. V. 26 (С. 126–127). С. 127.

²⁸ Там же. V. III. 2 (С. 230). С. 215.

²⁹ Делая указанные выводы, Страбон опирается на недошедшие до нашего времени материалы римского историка Квинта Фабия Пиктора, который составил первое описание истории Рима от Энея до 2-й Пунической войны. По сообщению Тита Ливия, в 216 г. до н. э. Фабий возглавил римское посольство в святилище Аполлона Дельфийского. См.: Тит Ливий. Указ. соч. Т. 2 / пер. Ф. Ф. Зелинского, М. Е. Сергеенко; ред. В. М. Смирин. XXIII. 11 (1–2). С. 115; Страбон. Указ соч. V. III. 1 (С. 228). С. 214; V. III. 5 (232). С. 217.

³⁰ Дэвис Н. История Европы. М., 2004. С. 110; Грималь П. Цивилизация Древнего Рима / пер. И. Эльфонд. Екатеринбург, 2008. С. 102–107 и далее; Страбон. Указ. соч. V. III. 7 (С. 234). С. 219.

³¹ Страбон. Указ. соч. V. III. 8 (235–236). С. 220.

³² Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М., 1990. II. 100. С. 78.